

Предисловие

Самое интересное — психика и мозг человека

У Владимира Бехтерева, как у всякого научного гения, много ипостасей: академик, психиатр, невропатолог, психолог, физиолог, морфолог, гипнотизер и философ. Он первым в мире создал новое научное направление — психоневрологию — и всю жизнь посвятил изучению секретов человеческой личности. Именно для этого он основал 33 института и 29 научных журналов. Начав с исследования физиологии головного мозга, он перешел к наблюдениям его работы в различных режимах, проводя для этого необыкновенные эксперименты с животными и людьми. Серьезно изучал гипноз, и даже ввел его в медицинскую практику в России. Первым сформировал законы социальной психологии, разработав вопросы развития личности. И сам развивался как личность необыкновенно.

Родился 1 февраля 1857 года в селе Сорали Вятской губернии в семье станового пристава. В 1878 году окончил Медико-хирургическую академию. Уже в возрасте 24 лет (в 1881 году) защитил докторскую диссертацию, после чего несколько лет возглавлял кафедру психиатрии

Казанского университета. Далее — занимал пост профессора Военно-медицинской академии, а потом Женского медицинского института. В 1918 году возглавил созданный по его инициативе Институт по изучению мозга и психической деятельности (позже — Государственный рефлексологический институт по изучению мозга, получивший его имя).

Как ученого его всегда интересовали психика и мозг человека. Он исследовал личность на основе комплексного изучения мозга физиологическими, анатомическими и психологическими методами, позже — через попытку создания комплексной науки о человеке и обществе, получившей название «рефлексология». Крупнейшим вкладом в науку стали его работы в области морфологии мозга.

Почти 20 лет он посвятил изучению полового воспитания и поведения ребенка раннего возраста.

Всю жизнь исследовал силу гипнотического внушения, в том числе и при алкоголизме.

Разрабатывал теорию внушения.

Бехтерев впервые выделил ряд характерных рефлексов, симптомов и синдромов, важных для диагностики нервно-психических болезней. Описал ряд болезней и методы их лечения. Кроме диссертации «Опыт клинического исследования температуры тела при некоторых формах душевных заболеваний», ему принадлежат многочисленные работы, которые посвящены описанию

малоисследованных патологических процессов нервной системы и отдельным случаям нервных заболеваний. Например, он изучал и лечил многие психические расстройства и синдромы: боязнь покраснеть, боязнь опоздать, навязчивую ревность, навязчивую улыбку, боязнь чужого взгляда, боязнь полового бессилия, одержимость гадами (рептилофрению) и др.

Оценивая значение психологии для решения фундаментальных проблем психиатрии, Бехтерев не забывал, что и психиатрия как клиническая дисциплина в свою очередь обогащает психологию, ставит перед ней новые проблемы и решает некоторые сложные вопросы психологии. Это взаимообогащение психологии и психиатрии Бехтерев понимал следующим образом: «...получив толчок в своем развитии, психиатрия как наука, занимающаяся болезненными расстройствами душевной деятельности, оказала огромные услуги психологии. Новейшие успехи психиатрии, обязанные в значительной степени клиническому изучению психических расстройств у постели больного, послужили основой особого отдела знаний, известного под названием патологической психологии, которая уже привела к разрешению весьма многих психологических проблем и от которой, без сомнения, еще большего в этом отношении можно ожидать в будущем».

Труды Бехтерева практически не издавались с 1927 г., когда он умер внезапно и загадочно.

По слухам, в его скорой кончине был заинтересован сам Сталин. Один сборник с мелкими и не самыми лучшими статьями вышел в свет только в 1954 году. Конечно, формально делам и личности ученого уделялось относительное внимание: периодически печатались небольшие брошюры — биографии, издавались сборники трудов, посвященные его творчеству, проводились конференции. Но его оригинальные тексты оставались недоступными широкому читателю, хранясь только в фондах центральных библиотек. Великий исследователь в свое время был незаслуженно обойден вниманием, что мы сейчас пытаемся восполнить, публикуя его самые интересные работы. Кстати, коллеги Бехтерева не в шутку говорили, что анатомию мозга знают только двое — господь бог и Бехтерев.

Урна с прахом Владимира Бехтерева похоронена на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге. А его гениальный мозг хранится в Институте мозга.

Сын Бехтерева Петр — талантливый инженер и изобретатель — был репрессирован и пропал в сталинском ГУЛАГе. Внучка Бехтерева Наталья Петровна как «дочь врага народа» с сестрой и братом оказалась в детском доме. В дальнейшем она окончила ЛМИ им. И.П. Павлова, стала академиком. С 1986 года возглавляла Институт экспериментальной медицины в Санкт-Петербурге.

Сознание, как яркой светильник, озаряет глубокие тайники нашей психической сферы

В этом произведении автор пытается выяснить, как широки границы сознания, то есть какое количество представлений может одновременно присутствовать в нашем сознании. По его мнению, это составляет не только крайне интересную задачу для исследования, но и задачу первостепенной важности.

Кроме сознательных процессов, считает автор, воспринимаемых нашим «я» как нечто субъективное, в нас существуют и бессознательные процессы, которые нами вовсе не воспринимаются как таковые. Это устанавливаемое внутренним опытом отличие сознательных психических процессов от бессознательных и дает возможность сделать точное определение сознания. И как показывают наблюдения, великие творцы обязаны гораздо более бессознательной, нежели сознательной сфере. Например, некоторые поэты и художники, обладающие пылким воображением, отличаются особой живостью представлений, необыкновенной яркостью их. Так, про Гете известно, что когда он хотел представить себе, например,

цветок, то он являлся его воображению необыкновенно живо со всеми присущими ему красками и очертаниями лепестков. Но далеко не все из воспринимаемых нами извне впечатлений сознательны. Да и в сущности мы не знаем точных границ бессознательной сферы... Поэтому сознание может быть уподоблено яркому светильнику, который озаряет собою глубокие тайники нашей психической сферы.

Мы привыкли говорить о сознании как о явлении для нас хорошо известном на основании личного внутреннего опыта; тем не менее точное определение того, что следует понимать под сознанием, до последнего времени встречало немало затруднений.

По Лейбницу, сознание является при условии, когда бессознательные представления души воспринимаются нашим «я». Это однако не определение, а лишь описание явления, притом описание, изложенное сообразно метафизическим воззрениям автора. Другие из психологов определяли сознание как особое внутреннее чувство, или же под сознанием понимали присущую нам способность различения. Наконец некоторые, как Гербарт, рассматривали сознание как сумму всех имеющихся налицо представлений.

Первое из только что упомянутых определений не может однако считаться достаточно обо-

снованным, второе принимает следствие за причину, а определение Гербарта обнимает собою лишь содержание сознания, не касаясь вопроса о самом сознании как явлении нашей психической жизни.

Из новейших представителей психологии по нашему вопросу заслуживают внимания взгляды двух выдающихся авторитетов — Спенсера и Вундта.

Первый в своих «Основаниях психологии» рассматривает сознание как известную внутреннюю переменную. По этому поводу он выражается между прочим следующим образом: «Все согласно принимают, что без перемены сознание невозможно: когда переменная в сознании прекращается, — прекращается и сознание. Но если непрерывная переменная есть то условие, при котором одном только возможно продолжение сознания, то отсюда следовало бы вывести, что все разнообразные явления сознания должны сводиться на перемены». В другом месте Спенсер поясняет: «Непрерывная переменная не есть еще единственная вещь, требующаяся для составления сознания. Если перемены происходят без всякого порядка, то никакое собственно так называемое сознание не существует. Сознание есть не просто последовательность перемен, но правильная последовательность перемен — последовательность перемен, комбинированных и расположенных особенным образом. Перемене-

ны образуют сырой материал сознания, а развитие сознания есть организация их».

В этом определении, как и в определении сознания как способности различения, снова принято следствие за причину. Как наша способность различения является следствием нашего сознания, так и восприятие перемен является результатом сознания, а не причиной его.

Вундт по поводу сознания говорит следующее: «Так как сознание есть необходимое условие всякого внутреннего опыта, то понятно, что непосредственно из этого опыта мы не можем узнать сущности сознания. Все попытки определить сознание по явлениям внутреннего опыта приводят или к тавтологии или к определениям происходящих в сознании действий, которые уже потому суть не сознание, что предполагают его. Сознание именно в том и состоит, что мы находим в себе те или другие состояния; независимо от последних оно не может быть мыслимо. Бессознательные процессы всегда представляются нами по тем свойствам, которыми они должны были бы отличаться в сознании. Если невозможно выразить отличительных признаков сознательных и бессознательных состояний, то тем менее можно дать определение сознания. Нам остается только изучать условия сознания, то есть те обстоятельства, которыми сопровождаются все сознательные явления».

Из только что приведенной выдержки очевидно, с какими затруднениями сталкиваются при определении понятия о сознании. Мы не можем однако согласиться в этом случае с мнением великого представителя физиологической психологии. Конечно, из внутреннего опыта нельзя определить сущности сознания; но дело не в определении его сущности, а в определении понятия о сознании как об известном явлении.

Хотя независимо от тех или других психических состояний немислимо для нас сознание, тем не менее психические процессы, как известно, ничуть не обязательно связаны с сознанием. С другой стороны, хотя бессознательные процессы и представляются нам по тем свойствам, которыми они должны были бы отличаться в сознании, но зато мы с точностью знаем по внутреннему опыту, что кроме сознательных процессов, воспринимаемых нашим «я» как нечто субъективное, в нас существуют и бессознательные процессы, которые нами вовсе не воспринимаются как таковые. Это устанавливаемое внутренним опытом отличие сознательных психических процессов от бессознательных и дает нам возможность сделать точное определение сознания.

Под сознанием мы понимаем ту субъективную окраску или то субъективное, то есть внутреннее, непосредственно нами воспринимаемое, состояние, которою или которым сопровожда-

ются многие из наших психических процессов. **Благодаря этой субъективной окраске мы можем различать наши психические процессы по их сложности и тем или другим присущим им особенностям. Таким образом мы различаем в нашем восприятии — ощущение, представление, стремление, желание, хотение и прочее, то есть те явления, сумма которых и составляет содержание нашего сознания.** Сделанное нами определение, конечно, не выражает собою сущности сознания, что впрочем и не требуется, но оно точно указывает на то явление в природе, о котором идет речь. Во всяком случае главное, что мы должны отличать в нашей психической жизни, — это сознательные и бессознательные процессы. В первых есть некоторый плюс, благодаря которому они становятся явлениями субъективными, чего нет во вторых.

Яркость той субъективной окраски, которую сопровождают наши психические процессы, бывает различной, благодаря чему мы можем говорить о различной степени их сознательности. Некоторые лица, обладающие пылким воображением, как поэты и художники, отличаются особой живостью представлений, необыкновенной яркостью их. Так, про Гете известно, что когда он хотел представить себе, например, цветок, то этот цветок являлся его воображению необыкновенно живо со всеми присущими ему красками и очертаниями лепестков; когда ему нужно было

нарисовать готическую церковь, то эта церковь представлялась его уму также в живой пластической форме. С другой стороны, известно, что некоторые из художников, как, например, Мартенс, отличались такой живостью воображения, что при своей работе они буквально копировали на полотне представлявшиеся им субъективные образы. Подобные же, хотя быть может и не столь резкие примеры пылкого воображения, конечно, встречаются не только между художниками и поэтами, но и среди обыкновенных людей.

Очевидно, что если, как в указанных примерах, воспроизведенные представления, иначе говоря, воспоминательные образы, могут быть сравниваемы по яркости с ощущениями или чувственными образами, то одинаковым образом и эти последние у тех же лиц должны отличаться значительно большей яркостью, нежели у других. Такого рода лица справедливо называются впечатлительными натурами, так как всякое внешнее впечатление действует на них резче, сильнее обыкновенного.

С другой стороны, есть и антиподы этих лиц, отличающиеся поразительной тупостью восприятия и процессов представления.

В патологических случаях, в особенности при душевных болезнях, степень сознательности психических процессов, конечно, изменяется еще в более значительных пределах, нежели у здоровых лиц. Необыкновенно яркие представления

маньяка, например, не могут быть и сравнимы с крайне бледными образами, смутно пробегающими в сознании слабоумного.

Степень сознательности психических процессов, впрочем, бывает различной и у каждого человека в зависимости от тех или других условий. **Так, у большинства людей яркость представлений значительно поднимается к вечеру; поэтому-то вечернее время и является обычным временем мечты. Этим же объясняется и тот факт, что многие из поэтов для своих занятий предпочитали вечернее или даже ночное время. Физическое утомление, а равно и процессы пищеварения, напротив того, понижают в более или менее значительной степени яркость наших психических образов.**

Независимо от степени сознательности психических процессов в вышеизложенном смысле различают еще степень сознания, смотря по его содержанию, то есть смотря по присутствию в сознательной сфере тех или других представлений. Правильнее однако в этих случаях говорить о специальных видах сознания по сложности его содержания, а не о степени самого сознания, хотя и последняя при этом не остается неизменной.

Простейшей формой сознания, без всякого сомнения, следует признавать то состояние, когда еще не выработано ни одного более или менее ясного представления, когда лишь суще-

ствуется неясное безотносительное чувство собственного существования.

Более сложным является сознание в том случае, когда в нем присутствуют уже те или другие представления. В этом случае наиболее элементарной формой сознания следует признавать ту, при которой в сознании присутствует главным образом одна группа представлений о «я» как субъекте в отличие от не-«я» или объекта и из которой вырабатывается так называемое самосознание, иначе говоря, то состояние сознания, когда в нем присутствуют или, — что все равно, — каждую минуту может быть вызван ряд представлений о положении собственного тела, о движении его членов и прочее.

Следующей по сложности формой сознания является сознание пространства, то есть то состояние сознательной сферы, когда человек может уже создавать пространственные представления об окружающем его мире. На основании этих-то пространственных представлений он и получает возможность ориентироваться относительно окружающей обстановки.

Несколько более сложной является та форма сознания, когда человек улавливает уже последовательность внешних явлений, благодаря чему вырабатывается сознание времени.

Дальнейшую по сложности степень сознания представляет сознание своей личности, иначе говоря, то состояние сознания, когда в его сфе-